

6+

Андрей Истомин

Юбилей

Андрей Истомина Юбилей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64054857

SelfPub; 2021

Аннотация

Что лучше автомат или человек? Столетие со дня полёта Гагарина в космос решено отметить особо. Да вот только цифровой мир не отменяет необходимости что-то знать и уметь. Кроме умения тыкать в сенсорный дисплей.

Андрей Истомин

Юбилей

Сам по себе состав совещания, на котором оказался лётчик-космонавт Юрий Полунин, несколько его обескуражил. Когда его вызвали на некое собрание, посвящённое знаменательной дате, он не очень удивился – как-никак старейший из летающих космонавтов, рекордсмен по количеству и продолжительности полётов одновременно, единственный из «орбитальщиков», кто побывал на Луне. В общем, свадебный генерал из него замечательный. И лично его всё больше это удручало. Он уже смирился с тем, что перерыв в полётах, кажется, превращается в полноценную отставку от полётов. Да, и виделся за последние три года он чаще с пресс – службой, чем с руководителями полётов.

И вот он вошёл в кабинет генерального директора Роскосмоса и увидел странный коктейль. Кроме самого гендиратора, которого он лично рядом видел чуть ли не впервые, там ещё было аж четыре человека из пресс – службы и лично исполнительный директор по пилотируемым космическим программам. Странности начались после пятиминутного доклада молоденькой девочки, показывающей красивые юбилейные инфограммы и прочую ерунду. И вдруг, нет, ни как удар грома, скорее, как щелчок кнута, вызывавшего не испуг и оторопь, а насторожённость, прозвучало:

– Кульминацией юбилейной программы, посвящённой столетию первого полёта человека в космос, будет полёт космонавта по «Гагаринской программе» в созданной максимально аутентично к оригиналу копии корабля «Восток», с полным повтором временных и прочих параметров, в процессе которого космонавт в прямом эфире поздравит человечество с данным юбилеем и проведёт демонстрацию простенького эксперимента, позволяющего доступно показать актуальность научных пилотируемых полётов в околоземном пространстве.

Дальше девочка понесла очень глубокие мысли о мощном пропагандистском воздействии, и что мировые СМИ будут вынуждены хотя бы упомянуть это, а, значит, напомнить всем, что первый человек в космосе был наш. Ну и т.д. и т.п. Более речь девочки уже не интересовала Юрия Алексеевича. Да-да, дорогой читатель, наш герой был ещё и почти полным тёзкой знаменитого Гагарина. И теперь у него всё встало на свои места... Кроме одного.

В отличие от девочки он детально изучал полёт Гагарина и знал, например, что тогда техника совершала посадку при восьми, а то и десятикратных перегрузках. А сейчас требования к космонавтам куда ниже. Ну, и вообще, «Восток» – весьма архаичный аппарат и летать на нём через сто лет – опасная глупость. Да и ракеты – то под него нет давно. И, значит, или это всё – ерунда, и в реальности он летит на современном аппарате и тогда пропагандистский эффект будет

снижен... Либо из него хотят сделать камикадзе. И если даже ему, как в старину, дадут звезду за этот полёт, он не очень готов принять её посмертно.

Пришлось ждать, пока завершится вся эта говорильня, после чего у него состоялся разговор уже со специалистами. Тут ему стало как-то ненамного легче.

Первое облегчение – носителем будет отработанная и проверенная «ангара», на которой он, в основном, и летал. Так как он со своим кораблём «Восток-100» (официальное название юбилейного аппарата) – слишком лёгкий груз, почти те же гагаринские пять тонн, то полетит он в комплекте составного груза. Кроме него на орбиту выведут груз, который уйдёт на транспортно-энергетический модуль с ядерной энергодвигательной установкой. Или, как его прозвали в прессе, «ядерный буксир», что тоже будет своеобразным прорывом. До сих пор за раз шёл либо груз, либо люди, а теперь – новая схема. Хотя она не новая – уже давно выводятся на орбиту за раз по несколько спутников или грузовик плюс спутники. Но вот людей всегда отправляли специальным стартом.

Уже этот момент новизны озаботил Юрия, по опыту он знал: все, что первый раз – обязательно где-нибудь да не заладится. Дальше степень новизны пошла по нарастающей. Корабль действительно оказался полной копией гагаринского, отличался лишь электроникой. Не было уже той элементной базы, да и переучивать космонавта на такую архаику дол-

го. Решили воткнуть современную. Но, как выяснилось, современная трудно вписывалась в старую конструкцию, и её подправили. В результате не всё дублировалось. И, уж тем более, почти нигде не было тройной защиты. Да и интерфейс, хоть и был стандартный, проверенный временем, но, поскольку космонавт один, а места немного, вторая дублирующая панель интерфейса отсутствовала. Мало того, там существовала панель прямого управления двигателями на обычных кнопках и таймерах! Оказывается, в программе полётов заложена демонстрационная коррекция орбиты в полностью ручном режиме с целью лишней раз показать стране и миру, что люди на орбите ещё нужны, и не всё может автоматика.

Переполненный впечатлениями и раздираемый сомнениями Полунин поехал домой. Сегодня у него гостят внук и дочка. Он решил, что домашним сообщит только парадную информацию и умолчит обо всех своих сомнениях. Даже привыкшая ко всему жена может разволноваться, услышав всё то, что его беспокоит.

Аэротакси ушло вверх, обдав его ветром. Юрий, по привычке, быстро пошёл от площадки на крыше к выходу, чтобы не задерживать других возможных пассажиров. Минувя лифт, он прошёл к лестнице. Его квартира была всего на три этажа ниже, и он принципиально, для здоровья, не пользовался лифтом. Дома, после обычных приветствий, он объявил:

– Можете поздравить меня. Я всё ещё в обойме и через полгода снова полечу в космос, ненадолго.

– Поздравляю, дорогой – проворковала жена, – а «ненадолго» – это, всё-таки, на сколько?

– Ну, на орбите я буду ровно сто восемь минут, плюс взлёт – посадка. Думаю, с учётом всех дел, меня дома не будет максимум недели две.

– Это как? Ты что, будешь испытывать космический парашют, о котором пишут в новостниках? – проявила свою осведомлённость дочь.

– Да сколько раз тебе говорить – ерунда всё это. Меньше верь написанному в сети. Я участвую в мероприятиях, посвящённых столетию полёта Гагарина в космос. Поэтому и полёт, как у него, на час сорок восемь, – Полунин даже слегка рассердился на дочь. Для него уже давно стало делом принципа разбивать все околосмические байки, вертящиеся в сети, и которые гигабайтами сваливала на него дочурка. Она даже завела себе колонку, где, ссылаясь на «космического папу», вела борьбу «за чистоту информационного пространства» и без ложной скромности гордилась миллионными просмотрами.

Начались поздравления, пожелания удачи и прочие вопросы, уместные в таких случаях, но тут задал вопрос девятилетний внук Коля:

– Деда, а тебя потом тоже в ГУЛАГ посадят?

– Что? Ты откуда такой ерунды набрался? – от неожидан-

ности все смолкли, даже посмеяться не было сил.

– Ну как же, нам на уроках истории говорили, что в Советском Союзе всех героев, кто остался жив, садили в лагерь специальный, в Сибирь, пока они не умрут сами.

– А что, Гагарина тоже посадили? – стараясь не спугнуть полёт мысли юного дарования спросил дед.

– Так ведь всех сажали! Или нет... Ах да, вспомнил! – лицо Коли озарилось улыбкой, – Его убили!

– Николай, откуда у тебя такая ерунда в голове? И кто у вас преподаёт историю? – теперь уже возмутилась бабушка.

– Никто у них не преподаёт. Как положено, для младших классов искусственный интеллект штудирует все публикации и делает им короткую информационную выжимку. Это только в старших классах им уже человек будет преподавать, – с некоторым вздохом безысходности проговорила дочь.

– Вот те на. Ну, внук, убил просто. Не переживай, у меня всё будет хорошо.

Сказав это, Полунин проговорил кодовое слово активации цифрового помощника:

«Абра-Кадабра К», – и продиктовал: «Направить в департамент образования жалобу на качество обработки исторических материалов ИИ, пункты – история освоения космоса, история СССР. Изложить ошибку восприятия школьником материала. Для подтверждения неточности приложить историческую справку, полученную мной сегодня в Роскос-

мосе. Указать источник информации, использованный при составлении справки. Текст показать мне перед отправкой. Подписать полным моим званием и должностью».

Через секунду перед ним уже светился текст его жалобы. Внеся пару корректив, где, по мнению Юрия, искусственный интеллект его помощника «смягчил формулировки», он проговорил: «Отправить».

Дальше вечер уже не нарушался происшествиями и тѣк во вполне радостном русле.

Опустим не очень интересные подробности подготовки к полѣту. Они, собственно, были стандартными. Единственное, что пришлось осваивать – это панель прямого управления двигателями. С её помощью можно было, не только двигая джойстик и нажимая разные кнопки, запускать различные двигатели корабля, но и запрограммировать последовательность типа: «тормозной двигатель работает пять секунд при мощности семьдесят процентов с одновременной работой третьего маневрового на полной мощности», ну, или что-то типа того, – памяти хватало на сотни три команд. Столько и не надо, просто не было меньше модуля памяти.

И вот двенадцатого апреля две тысячи шестьдесят первого года с космодрома «Восточный», со всей положенной шумихой, ровно в «гагаринское время» – девять ноль семь, стартовал наш герой. Отработав всю программу, начиная с приветствия «для мира» и заканчивая манѣврами и экспериментами, Юрий дал условный сигнал, и трансляция на весь

мир прекратилась. До начала снижения оставалось ровно семь минут. Он должен был быстро подготовиться к посадке, благо всё, что использовалось в эксперименте, уже убрано. Пожалуй, только химический карандаш, пишущий на всем, в том числе на стекле, болтается в невесомости, привязанный шнурком. Как и у Гагарина, спуск должен идти на автомате. Даже посадка будет, как у Гагарина, на парашюте после катапультирования. К месту исторической посадки у города Энгельса уже съезжаются репортёры. В общем, до весьма жёсткой, но банальной посадки, несколько минут.

Оставалось почти три минуты до начала спуска. Ровный зелёный цвет экрана показывал, что всё хорошо. Чисто автоматически Юрий проверил всё ещё раз. И только тут заметил, что, проговаривая действие, он не слышал в наушниках ничего. Полная тишина эфира. Странно, пока связь должна ещё работать, и, собственно, ЦУП ему сейчас должен подтвердить, что услышал его.

Рука потянулась переключиться на резервный канал связи и, не дотянувшись, застыла... Дисплей, являющийся основным пунктом взаимодействия с кораблём, погас. Просто погас – и всё. Тишина в эфире, погасший дисплей, не имеющий дублирующего... Нет, паники не было. Он ещё несколько секунд ждал, что автоматика начнёт тормозить... Но и этого не произошло.

Итак, в космосе по орбите несётся почти двухметровый металлический шар с человеком внутри, и ни связь, ни авто-

матика, управляющая им, не работают. Да и система ручного управления тоже. На тренировках к полёту среди нештатных ситуаций не отработывалась одновременная потеря управления и связи. Надо решать на ходу.

Дышать он сможет ещё дней десять. Тут сработало во благо желание максимально скопировать тот первоначальный «Восток-1». Дальше хуже – вода чуть-чуть есть, а вот пищи – нет. Максимальная длительность нахождения в космосе предполагалась три витка в случае аварии.

Ну, вот и решение. Три витка можно подождать, пока Земля попробует решить всё дистанционно. Как-никак канал связи с Землёй дублирован. И, если аппаратура связи вышла из строя, пробьются через второй канал. Стоит, пожалуй, слегка помочь Земле.

Юрий открыл инструменты и стал снимать панель. Ему надо было попасть к аппаратуре связи, благо она вся по модулям расшита. И каждый модуль имеет пару – тройку индикаторов. Хотя бы примерно, что случилось, можно понять.

Вскрытие показало, что работает передатчик, передающий его голос, и всё. Всё остальное либо обесточено, либо в красных огоньках. Даже голосовая связь, судя по тому, что он не слышит Землю, работает в одном направлении – если вообще работает. Стало ясно, что ждать решения вопроса с Земли бессмысленно. Учитывая, что шанс на то, что Земля его слышит, всё-таки есть, Юрий обстоятельно доложил результаты своих исследований и уселся отдохнуть – подумать.

Итак, если он просто ничего не будет делать, на «естественный» сход с орбиты уйдёт не менее двадцати дней. Даже если автоматика вовремя выпустит тормозной парашют, и он приземлится удачно, это будет его труп, так как воздуха хватит на 10 дней, не более. Значит, надо сажать. Но как? Для начала надо бы убедиться, что панель «прямого управления» работает. Но тут есть нюанс.

Любое отклонение от его запрограммированного пути приведёт к отклонению в точке посадки. Дело тут даже не в том, что он не попадёт на торжественный приём. Дело в том, что он, вообще, может попасть чёрт-те куда. И тайга в этом случае – благо. Куда хуже садиться в районе плотного воздушного движения или в городе. А то и унесёт к соседям, которые, не особо разбираясь, что к чему, пальнут по нему из зенитки.

Поэтому он решил не дёргать движки раньше времени. Надо рассчитать импульс торможения и запустить его точно в тот же момент, что планировалось ранее. Проверить, насколько он смещается от оси при каждом витке, он мог только «на глаз», т.е. слишком грубо, чтобы учитывать это. А, значит, манёвры влево-вправо можно не делать.

Итак, считаем... А на чём, чёрт возьми, считать? Компьютер если и работает, то экран-то – нет!

На калькуляторе можно тоже многое посчитать, особенно на инженерном. Но его в комплекте тоже нет. Полёт-то «прогулочный».

Остаётся вручную. Юрий решительно взял карандаш и начал писать на столике перед ним, где он недавно показывал эксперимент для телезрителей.

Для начала напишем всё, что нам крайне необходимо. При записи перечня требуемых данных выяснилось, что все их придётся брать из памяти – информационная панель не действует. Однако, из-за особенностей полёта, он многие параметры знал, как говорится, наизубок, и

о, к сожалению, грубовато, максимум до двух знаков после запятой. Через час различных мытарств и писанины, проговаривая всё это на всякий случай вслух – для Земли, Юрий, кажется, смог решить главный вопрос: на какое время надо запустить торможение.

Осталось убедиться, сможет ли он отделить вручную спускаемый аппарат и, что немаловажно, есть ли у него возможность вручную активировать парашюты.

И вот результат. Он может вывести напрямую пару проводов и инициировать отделение спускаемого аппарата от корабля. Он всё ещё может сам инициировать катапультирование. Но управление основным тормозным парашютом ему не доступно, то есть, если он не сработает, можно и не катапультироваться, всё равно скорость будет такая, что если и его личный парашют, и он сам выдержат раскрытие купола, то он всё равно ударится о землю слишком сильно.

Взвесив всё ещё раз Юрий решил рискнуть. Проговорил в эфир все результаты своих действий, заложил программу

в систему управления двигателей и посмотрел на время. К его удивлению подходил к концу третий виток. Он уложился в отрезок времени, который брался в расчёт как резервный. Итак, теперь осталось вовремя инициировать торможение, проверив ориентацию. Аппарату, Юрий понял, нужна небольшая корректировка. Это, кстати, плюс – проверится хоть как-то ручное управление. К счастью, всё работало, и несколькими движениями джойстика аппарат был сориентирован, как надо.

Рука зависла над кнопкой «пуск программы» в ожидании времени старта двигателя торможения. Последние три минуты, скорее чтобы занять голову, Юрий пытался прикинуть, сколько километров у него возможно отклонение от первоначального места посадки.

О том, что основной парашют ему недоступен, он старался не думать. Тем более прикидки по «эллипсу отклонения» тоже не радовали.

И вот отсчёт пошёл на секунды.

Пять, четыре, три, два, один – «пуск»! Толчок показал, что всё сработало нормально. Юрий уже собрался закоротить ручное отделение спускаемого аппарата – и тут – чудо! Аппарат отделился сам! Собственно, в его отделении не был задействован центральный компьютер, просто реле времени после отработки тормозного двигателя и получения нужного импульса торможения. «Слава простым приборам! И всему ручному!» – проговорил про себя Полунин.

Вскоре спускаемый аппарат вошёл в плотные слои атмосферы. При движении он раскалился так, что начал потрескивать. Но, собственно, к этому-то наш герой был готов и даже не особо обратил внимание. Всё его внимание сконцентрировалось на часах – работает или нет в нужный момент основной парашют? Ещё на орбите он решил, что не будет высчитывать самый благоприятный момент катапультирования в случае несрабатывания основного парашюта. Шансов выжить без него почти нет. Но умирать просто так, без борьбы, он не будет. И катапультируется, как только достигнет подходящей высоты, а там, глядишь, что-нибудь да выйдет.

Руки уже легли на рукоятку ручной активации катапульти, когда резкий толчок известил – основной тормозной выпущен и раскрылся. Теперь уже можно выдохнуть. Главная нерешённая проблема его посадки решилась.

Так же точно, в нужный момент, произошёл отстрел люка, и сработала катапульта. Ещё несколько мгновений – и Юрий повис на стропах индивидуального парашюта. Оглядевшись, он увидел, что промахнулся не так уж сильно. Да, Волги не видно, река была, но гораздо меньше, природа ещё со степными мотивами, но более лесистая. И он, и спускаемый аппарат снижались недалеко от какого-то небольшого поселения. Парашют у Юрия был не гагаринский, а вполне современный, с возможностью планирования, что позволяло корректировать в широком радиусе место посадки, в связи с чем он решил приземляться как можно ближе к спускаемому ап-

парату. Тот явно собирался приземлиться на обширном поле, у берега реки. Берег был лесист и слегка обрывист, поэтому Полунин решил приземлиться именно на поле. Аппарат снижался быстрее, чем он, вскоре уткнулся в землю на краю оврага, ведущему к реке, и скатился в кусты на дне оврага. Юрий, заложив большую дугу, взял курс с учётом ветра и приземлился на край поля. Он ещё отстёгивал парашют, когда услышал гул и увидел садящийся возле него аэроцикл с единственным седоком.

Это был молоденький парень от силы лет двадцати. Подбежав, он сразу заявил:

– Здесь нельзя прыгать с парашютом и, вообще, нечего тут делать, эти поля охраняются.

– Кем охраняются и где «эти поля» находятся? – спросил космонавт, избавившись от парашюта.

– Мною охраняются! – с вызовом ответил парень, – если бы Вы сели на поле, я бы на Вас акт составил!

– Слушай, ты что не видишь – у меня авария? Или, по-твоему, нормально, когда с неба падают аппараты и люди, да ещё чёрт знает где! Кстати, повторяю вопрос: «Где мы находимся?» – уже раздражённо спросил Юрий.

– Как это где? В Чесноковке!

– Область, район какие? И что за река?

– Ты что, дядя, с луны свалился? Оренбургская область, река Урал.

– А по мне не видно, что я космонавт?

– Да ладно! Космонавты тут не бывают!

– Ты новости не смотришь? Сегодня юбилейный полёт в честь столетия человека в космосе.

– А, это... Слышал. Так тот космонавт, сказали, погиб.

– Кто это сказал?

– Так у меня подписка на Космогон! Там ещё час назад было написано, что живым он не сядет, и грандиозный юбилейный полёт стал уже грандиозным пшиком!

– Твой Космогон, как и все прочие «гоны», полный идиот. Он хоть раз с дивана слазил? – уже начиная сердиться, проговорил Юрий. – Вот я перед тобой стою, Полунин Юрий Алексеевич, живой и здоровый. Максимум через полчаса тут будут спасатели и шакалы из прессы.

– Да ты что? Точно? А в овраге космический корабль?

– Да.

Паренёк вытащил из кармана небольшой коммуникатор, бросил его в воздух с криком: «Снимать трансляцию! Тег – посадка юбилейного космонавта!» – и начал бегать вокруг Юрия, тыкая пальцем то в него, то в парашют, то в сторону оврага и взахлёб рассказывая, что он первый на месте посадки, и что космонавт жив. Потом он умчался к оврагу. Вскоре повис в воздухе вертолёт службы спасения, а рядом два мелких аэробота, явно новостников. Юрий обрадовался, что живые корреспонденты не добрались до него первыми. После не совсем гладкого полёта желательно перекинуться с начальством до корреспондентов.

Когда к космонавту подбежал майор, выпрыгнувший из вертолётa до того, как он коснулся земли, парень вернулся назад и закричал, перекрикивая шум севшего вертолётa:

– У меня тут на связи Антариус! Он спрашивает, что за каракули, которыми исписаны весь столик и панель, и даже иллюминатор?

– Если бы твой Антариус учился в школе, а не просиживал штаны в своём супер-реал блоге, то знал бы, что это математические формулы. Их проходят в школе.

– А он говорит, что учился в школе, и институт закончил на бакалавра, но никогда таких знаков не видел!

– Дети, учите математику! Она – царица наук! А теперь не мешай мне, – с этими словами Полунин повернулся к подбежавшему майору.

– Товарищ майор! – договорить он не успел, майор схватил его в охапку:

– Жив!

Конец.